

Александр Пугин

Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

К ИЗУЧЕНИЮ *ПОВЕСТИ О ХВАСТЛИВОМ КНИЖНИКЕ*

Toward the Study of the Tale of the Boastful Scholar

ABSTRACT: In the Russian handwritten *Tale of the Boastful Scholar*, two themes are developed: the limits of human comprehension of book wisdom and the dependence of the posthumous fate of a monk on the time and circumstances of his tonsure. The *Tale* was first studied by V.I. Malyshev (1964), who published the only copy known to him; he concluded that the *Tale* was created by Russian Old Believers in the XVIII century. This article analyzes the previously unknown copies of the *Tale*, allowing us to revise Malyshev's perspective. Based on the eight copies of the *Tale* from the early XVII-XX centuries, two editions were distinguished. One of them has a monastic origin, and its earliest copy from the beginning of the XVII century was included in the collection of instructions for newly tonsured monks titled *Starchestvo*. Another edition was created by an Old Believer scholar at the turn of XVIII-XIX centuries. The earlier edition is a didactic parable about the futility of human efforts to fully comprehend book knowledge. The second edition is a satirical story about the confrontation between two scribes – a true sage and a fake one. The opposition of true and false book knowledge in this edition could be perceived by Old Believer readers in the context of the church schism of the XVII century and the disputes about the correction of religious books. Another difference between the copies of the *Tale* is the way the problem of tonsuring a person facing death is discussed – an issue quite relevant for the Old Russian society. The episode of the *Tale* featuring a blue tit trying to drink off the sea is indicative of the author's intent to combine the traditions of book narration and folklore in his work. The article contains also the text of the earliest copy of the *Tale* found in the *Starchestvo* collection from the Trinity Lavra of St. Sergius.

KEYWORDS: Russian tales, parables, book wisdom, monastic tonsure, eschatology

Человек Древней Руси ценил книжное знание. «Добро есть, братие, почетанье книжное, – утверждает в *Изборнике* 1076 г., – узда коневы правитель есть и въздържание, правдѣнику же книги я»¹. Крупными центрами книжности и просвещения являлись монастыри, во многих из них были собраны богатейшие библиотеки. Однако чтение, как и любой духовный опыт, сопряжено с искушениями, чревато опасностью свернуть с пути познания Бога. Кроме «истинных» книг, существуют «ложные», чтение которых совращает человека в ересь. Не приносит пользу и «внешняя мудрость» – книги светского содержания. По утверждению протопопа Аввакума, «христианом открывает Бог Христовы тайны Духом Святым, а не внешнею мудростию»². Но и «душеполезные» книги следует читать с осторожностью, по определенным правилам, под руководством опытного в духовных делах наставника. В Древней Руси, прежде всего в монастырях, практиковался интенсивный тип чтения, предполагавший многократное прочтение ограниченного круга текстов³. Как рассказывается в *Житии Димитрия Прилуцкого*, «иногда нѣкый от братьи помяну святому, яко да повелить книгъ умножити, еще бо не исполнь бяше книгъ. Блаженный же <...> отвѣща: “Довольно есть, братье, обычныя утѣшительныя душамъ книги”»⁴. Книжная премудрость открывается только человеку с чистым сердцем, лишенному горделивых помыслов, стремления возвыситься в своих познаниях над другими людьми. На тему книжного чтения в древнерусский период было создано немало произведений⁵.

Одним из них является и публикуемая в настоящей статье *Повесть о хвастливом книжнике* (условное название, предложенное Владимиром Ивановичем Малышевым). В этом небольшом по объему произведении представлены два типа книжников. Молодой пустынный, «благочестивъ, мудръ же бѣ и книгамъ гораздъ»⁶,

¹ *Изборник 1076 года*, изд. подгот. В.С. Гольшенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов, Москва 1965, с. 151, 153.

² Н.С. Демкова, *Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: материалы и исследования*, Санкт-Петербург 1998, с. 8 (под «внешней мудростью» в своем послании к Федору Ртицеву 1664 г. Аввакум понимает труды по риторике, диалектике и философии). Об оппозиции у Аввакума и в целом в старообрядческой письменности «внешней мудрости» и некоего священного невежества см., например: Б.А. Успенский, *Избранные труды*, т. 2, Москва 1994, с. 7-19; U. Cierniak, *Literacki wymiar kultury religijnej staroobrzędowców*, Częstochowa 1997, s. 67-72; H. Kowalska-Stus, *Ruś XVII wieku. Spotkanie dwóch koncepcji języka i sposobów myślenia*, [w:] *Białostocki Przegląd Kresowy*. T. 4. *Słowiańszczyzna w badaniach filologicznych*, red. J. Nosowicz, Białystok 1996, s. 91-98.

³ См.: И.М. Грицевская, *Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV-XVII вв.*, Санкт-Петербург 2012, с. 157 и далее.

⁴ *Житие Димитрия Прилуцкого: житие и служба*, изд. подгот. С.А. Семячко и Ф.В. Панченко, Вологда 2018, с. 129.

⁵ См.: В.В. Калугин, *«Книги»: отношение древнерусских писателей к книге*, [в:] *Древнерусская литература: изображение общества*, Москва 1991, с. 85-117.

⁶ РГБ, ф. 304.1 (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 798, л. 71-71 об.

хочет побеседовать со столь же мудрым человеком о книгах, но не может найти никого равного себе в книжном познании. Наконец он оказывается в другой земле у мудрого старого книжника, но вместо беседы о книгах пустынник показывает молодому монаху несколько видений, разгадать которые тот не в состоянии. Разъяснив юноше смысл видений, пустынник обращается к нему с наставлением о том, что не следует гордиться («превозноситься») книжным знанием: «Аще, чадо, изыглаголемь мудрыя книги и простыя вещи недоумѣемь, посрамлени будемь»⁷. Мудрость заключается не в знании большого числа книг, а в умении постигать скрытый символический (божественный) смысл предметов и явлений.

Повесть была опубликована в 1964 г. В.И. Малышевым по единственному известному ему списку первой четверти XIX в. – ИРЛИ, колл. Н.С. Плотникова, № 7⁸. Исследователь пришел к выводу, что *Повесть* является старообрядческим сочинением XVIII в., возможно, связанным своим происхождением с Соловецким монастырем. Сравнение горделивого книжника с синицей, пытающейся выпить море, имеет своими источниками произведения светской литературы XVIII в., в которых присутствует этот образ (басни и стихи Ипполита Богдановича, Федора Волкова, Александра Сумарокова, статьи в журналах Николая Новикова и др.). Историко-культурный интерес *Повести* заключается, по мнению В.И. Малышева, в том, что она «поднимала важный вопрос об отношении к “книжной премудрости”», причем освещала его «с позиции, характерной для старообрядческой среды». *Повесть* – это «своеобразный пример отражения светской литературы XVIII века в старообрядческой нравоучительно-сатирической литературе»⁹.

Обнаружение других списков *Повести* позволило существенно скорректировать выводы В.И. Малышева. В настоящее время мне известно восемь списков *Повести* начала XVII – середины XX в., которые содержат две ее редакции: редакцию *Старчества* (далее: РСтар.) и созданную на ее основе редакцию из *Летописца* (далее: РЛет.), при этом РСтар. представлена несколькими вариантами.

Редакция *Старчества*

РГБ, ф. 304.I (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 798, л. 71-76 об., начало XVII в. Загл.: *Повѣсти от житіа свѣтыхъ старецѣ и свѣтыхъ отецѣ*¹⁰. *Аще ли наидет помысль превѣношеніа мудрости и книгамъ гораздѣству, помяни нѣкоего пустыньника*¹¹.

⁷ Там же, л. 76-76 об.

⁸ В.И. Малышев, *Неизвестная повесть XVIII в. о хвастливом книжнике*, «Русская литература» 1964, № 1, с. 97-99.

⁹ Там же, с. 98.

¹⁰ Предложение написано на нижнем поле.

¹¹ Рукопись описана: [Арсений, иеромонах], *Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, ч. 3, Москва 1879, с. 238-240.

ИРЛИ, колл. Тумилевича, № 1, л. 124-126 об., конец XVII – начало XVIII в. Загл.: *Повѣсть вельми чудна о нѣкоемъ мнискѣ пустынницѣ книжнѣ.*

ИРЛИ, колл. Перетца, № 280, л. 25 об. – 28 об., XVIII в. (1740-е гг.). Загл.: *Повѣсть о некоемъ мнискѣ пустынникѣ.*

ИРЛИ, собр. отдельных поступлений 24, № 130, л. 276-282, XIX в. (1870-е – 1880-е гг.). Загл.: *Повѣсть весьма чудна о некоемъ мнискѣ пустынницѣ книжнѣ.*

ИРЛИ, Мезенское собр., № 31, л. 217-220 об., начало XX в. Загл.: *Повѣсть от жития святыхъ старецъ и святыхъ отецъ зѣло душеполезна.*

ИРЛИ, Пинежское собр., № 756, л. 81 об. – 84 об., XX в. (1920-е гг.). Загл.: *Повѣсть от жития старецъ и святыхъ отецъ душеполезно зѣло.* Писец – старообрядческий наставник Никита Иванович Мельников (1880-1942) (д. Айнова Гора)¹².

Редакция из *Летописца*

ИРЛИ, колл. Плотникова, № 7, л. 160 об. – 164 об., 1-я четверть XIX в. (бумага с «белой» датой 1811 г.). Загл.: *Лѣтописецъ. Повѣсть о нѣкоемъ старцѣ, иже бѣше гораздъ грамоте. Слово 92.*

ИРЛИ, колл. Плотникова, № 34, л. 79 об. – 82 об., XX в. (1950-е гг.). Загл.: *Лѣтописецъ. Повѣсть о нѣкоемъ старцѣ, иже бѣше гораздъ в вѣ грамотъ (sic!). Слово 92.*

Вывод В.И. Малышева о создании *Повести* в старообрядческой среде в XVIII в. может быть отнесен только ко второй редакции – РЛет., но сама *Повесть* возникла гораздо раньше, еще до церковного раскола: старший ее список – троицкий – датируется началом XVII в. Троицкая рукопись, в состав которой входит данный список, представляет собой книгу *Старчество*¹³ – нравственно-дисциплинарный сборник, предназначенный для обучения новоназначенного инока основам жизни в общежительном монастыре. Согласно новейшему исследованию Светланы Алексеевны Семячко, формирование сборника *Старчество* началось в XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре, сборник получил распространение и в других обителях, где были созданы различные его варианты¹⁴. Интересующая нас рукопись имеет троицкое происхождение, о чем свидетельствует запись *Книга Живоначальные Троицы Сергиева монастыря, казенная* (л. 6 об.). Из Троице-Сергиева монастыря всего происходят 14 рукописей,

¹² Рукопись описана: *Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX вв.: Опыт исследования. Источники*, т. 1: Н.В. Савельева. *Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников*, Санкт-Петербург 2003, с. 636-639.

¹³ Кроме *Старчества*, рукопись включает еще одну подборку – *Цвѣтки, избранныя от святыхъ Лѣтвицы* (л. 95 и далее).

¹⁴ См.: С.А. Семячко, *Письменная традиция древнерусского старчества: Текстологическое, источниковедческое и историко-литературное исследование*. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук, Санкт-Петербург 2016.

содержащих сборник *Старчество* целиком или отдельные фрагменты из него¹⁵. *Повесть о хвастливом книжнике* входит в подборку статей, которые в других списках *Старчества*, как из Троице-Сергиева монастыря, так и из других обителей, не встречаются¹⁶. По своему содержанию (вразумление опытным старцем молодого монаха) *Повесть* близка патериковому повествованию, но в переводных патериках отсутствует и, по всей видимости, имеет русское происхождение. Но была ли она создана в Троице-Сергиевом монастыре специально для сборника *Старчество* или троицкие книжники откуда-то заимствовали ее – вопрос пока открытый. В любом случае *Повесть* полностью соответствовала дидактическим задачам *Старчества* по воспитанию идеального монаха: согласно заглавию троицкого списка, ее следует читать, когда «наидет помысль превъзношения мудрости и книгамъ гораздъству».

Вторая редакция – РЛет. – представляет собой, скорее всего, старообрядческую переработку первой редакции, созданную на рубеже XVIII-XIX вв. Ссылку в заглавии на некий *Летописец*, «слово 92» В. И. Малышев объяснял следующим образом: «Возможно, что повесть была переписана в сборник из какого-нибудь *Цветника* (сборника) или из *Патерики*, в который она была включена ранее как глава 92.

Указанные же сборники в старину иногда получали название “летописца”»¹⁷.

Разработка темы книжного знания имеет в каждой из двух редакций свои особенности. Если в РСтар. основной акцент сделан на невозможности полного познания книжной мудрости, то в РЛет. – в большей степени на посрамлении горделивого книжника. Особенно отчетливо это различие проявляется в рассказе о видении книжником птицы-синицы и в его толковании мудрым старцем:

В РСтар. видение трактуется в более общем плане как притча о тщетности усилий исчерпать («испить») море мудрости. Использованные здесь образы «небесной высоты» и «морской глубины», которым уподобляются книги, встречаются и в других памятниках древнерусской книжности и фольклора – например, в духовном стихе о *Голубиной книге*:

Высота ли высота да поднебесная,
Глубина ли, глубина да окиян-морё,
Широта ли широта чистых полей,
Да потом выпадала с неба книга голубиная¹⁸.

¹⁵ См.: Там же, с. 283-284; С.А. Семячко, *Старческая традиция Троице-Сергиева монастыря*, [в:] *Преподобный Сергей Радонежский: История и агиография, иконописный образ и монастырские традиции: Материалы международной научной конференции. Москва. Государственный исторический музей. 27-28 мая 2014 г.*, Москва 2014, с. 197-204.

¹⁶ См.: С.А. Семячко, *Письменная традиция древнерусского старчества...*, с. 301-307 (таблица).

¹⁷ В.И. Малышев, *Неизвестная повесть XVIII в.* ..., с. 98.

¹⁸ *Духовные стихи Русского Севера*, сост. В.П. Кузнецова, Петрозаводск 2015, с. 262. В *Беседе трех святителей* эти образы использованы в загадке о Троице: «Василей рече: Что высота

<p style="text-align: center;">Редакция <i>Старчества</i> РГБ, ф. 304.I, № 798</p>	<p style="text-align: center;">Редакция из <i>Летописца</i> ИРЛИ, колл. Плотникова, № 7</p>
<p><Видение> Еще бо ему стоящу у моря надолзьѣ, и не видѣ ничтоже, но токьмо прилетѣ птичка мала и худа, ей же имя синька, и испи из моря воды. Он же смысливъ въ сердцы своемъ и глагола: «Бѣдней тѣбе худей птицѣ, еже и питие твое из моря; тебѣ ради в мори воды ни прибыло, ни убыло». <...> <Толкование> «Что же, чадо, птица воды из моря испи, то ни прибыло, ни убыло, ть, чадо, наши книги, яже глаголемъ, то суть не прибыло, ни убыло. Книги суть, чадо, якоже небесная высота и морская глубина. Да аще, чадо, изъглаголемъ мудрыя книги и простыя вещи недоумѣемъ, посрамлени будемъ, то не превозносися о семь, чадо». <Заключение> И отиде старецъ младый пустынный въ свою пустыню, благодаря Бога. И, наказавъ, старецъ отпусти его с миромъ.</p>	<p><Видение> И показа ми ся иное чудо на утре: лѣтитъ птица велика и грозна зѣло, а говоритъ чловѣческимъ гласомъ: «Азѣ море выпью». Учала ближе прилетати и начать ставитися менше. Ближе стала и того менши показася. И прилете на сию страну, испила воды из моря и свалися: стала птица-синица. <...> <Толкование> А еже иное чудо видѣль еси, что птица велика из-за моря показася, а сама говорить: “Азѣ море выпью”. Ближи — менши и паки менши, и какъ прилетѣ — яже синица. И испила воды из моря, и свалися. То ты, старче. И сколько та синица испила воды изъ моря, то ты толко умѣеши грамоты. <Заключение> «И ты, старче, поиди за море, во свою землю, и тамо буди мудръ, а здѣ у мене и ученики умѣют, сколько ты».</p>

В двух списках РСтар. мысль о непознаваемости книг выражена еще более категорично, чем в троицком списке: «Писано от святыхъ отецъ толкование, якоже небесная высота, морьская глубина неудобъ познавати чловѣком, такожде и книжныя премудрости недоумеемъ мы знати, то и не превозносимся. Всякъ бо возносяйся смирится, а смиряся вознесется» (ИРЛИ, Мезенское собр., № 31; ИРЛИ, Пинежское собр., № 756).

В поздней редакции РЛет. философский смысл *Повести* оказался приглушен, текст стал больше похож на сатиру. Образ птицы-синицы, грозившейся выпить море, истолкован здесь как метафора самоуверенного книжника, убежденного в своих безграничных возможностях в постижении книг («сколько та синица испила воды изъ моря, то ты толко умѣеши грамоты»). Редактор не затрагивает тему ограниченности человеческих познаний в мире книг – мудрый игумен не высказывает своих сомнений на этот счет. Смысл *Повести* сводится к противо-

---

небесная и широта земная и глубина морьская? Иоан рече: Отец и Сын и Святый Дух» (РГБ, ф. 304.I (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 769, л. 239). В одном из памятников севернорусской агиографии те же образы – в панегирике чудесам святых: «Небеси убо высота неиспытума, земли же широта и долгота неосяжима, а морю же глубина неизмѣрима, святыхъ же чудеса неисчетна и недовѣдома» (Е.А. Рыжова, *Сказание о Иоанне и Логгине Яренских в списке Древлехранилища им. В.И. Малышева*, Труды Отдела древнерусской литературы, т. 65, Санкт-Петербург 2017, с. 716; ср. также с текстом в послесловии к *Четымъ Минеемъ* Иоанна Милотина (Н.В. Поньрко, *Иоанн Иванов Милотин*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3, ч. 2, Санкт-Петербург 1993, с. 69).

поставлению подлинного и мнимого знания, что в старообрядческой переработке текста имплицитно могло означать антитезу «истинного» и «ложного», древлеправославного и «никонианского». Основное внимание в РЛет. уделено, таким образом, состязанию в мудрости – известному сюжету сатирических и новеллистических нарративов¹⁹.

Соответствующие изменения внесены и в образ горделивого книжника. В ранней редакции его извиняет молодость («млад сый»), хотя при этом он «благочестивъ» и «мудръ» и получает большую пользу от встречи с пустынником («И отиде старецъ младый пустынникъ въ свою пустыню, благодаря Бога»). В поздней редакции отсутствует указание на возраст книжника, усиливается, почти до гротеска, мотив похвалы («Азь во своей земли ни нашел человекъ, кто бы со мною побѣсѣдовалъ от книгъ. А я книгами корабль нагрузил, а тѣ книги наизусть умѣю»), повествование заканчивается посрамлением гордеца («И ты, старче, поиди за море, во свою землю, и тамо буди мудръ, а здѣ у мене и ученики умѣют, сколько ты»). Переезд старца через море (в РСтар. этой детали нет) ради встречи с мудрым игуменом, с одной стороны, подчеркивает сходство хвастуна с синицей, которая также прилетает из-за моря, с другой – символически обозначает принадлежность персонажей к двум совершенно разным мирам, в том числе – в понимании того, что есть книжная мудрость.

В РЛет. оказался включен новый фрагмент о тех книгах, которые читают два старца. Хвастливый книжник «умеет», т. е. читает и знает наизусть, книги «складные», которыми он нагрузил целый корабль – игумен же сообщает, что у него есть всего одна книга: «азбука – 40 словъ и 40 книгъ, всяко слово книга с притчами и буки с притчами». По верному замечанию В.И. Малышева²⁰, эта чудесная азбука заставляет вспомнить о традиции составления в Древней Руси акростишных толковых азбук, в которых на каждую букву алфавита приводилось емкое по смыслу «душеполезное» предложение. Толковые азбуки включают загадки, притчи, молитвы, изречения о книжной премудрости (например: «Книжная премудрость подобна солнечной светлости. Но и солнечную светлость во время мрачный облак закрывает. Книжную премудрость никакая тварь скрыти не может»)²¹. Эта мудрая азбука с притчами противопоставлена «складным» книгам, которые «умеет» хвастливый книжник. Слово «складные» в данном контексте вызывает ассоциацию с чтением «по складам», т. е. с начальным уровнем

¹⁹ Ср., например, с *Разговором между профессором и крестьянином, Разговором между книжником и мальчиком* (Д. Ровинский, *Русские народные картинки*, кн. 1: *Сказки и забавные листы*, Санкт-Петербург 1881, с. 474-479), различными вариантами *Спора жида с христианином* (Е. Małek, *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII-XVIII вв.*, т. 1, Łódź 2000, с. 326-332) и др.

²⁰ В.И. Малышев, *Неизвестная повесть XVIII в. ...*, с. 98.

²¹ А.В. Пигин, М.Г. Бабальк, *«Аз ти глаголю добрейшее, юноше...»: о некоторых учебных текстах в русских рукописях XVIII-XIX вв.*, [в:] *«Мудрости бо ти имя подадеса...»: сборник статей к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер*, Петрозаводск 2011, с. 17.

овладения грамотой, о чем и сообщает книжнику игумен: «сколко та синица испила воды изъ моря, то ты толко умѣши грамоты».

Предположение В.И. Малышева о том, что автору *Повести* могли быть знакомы сочинения русских писателей XVIII в. о хвастливой синице, как выясняется теперь, ошибочно – *Повесть* была создана гораздо раньше. Вряд ли и писатели XVIII в. знали *Повесть о хвастливом книжнике*. Скорее, источником для всех этих сочинений послужили фольклорные тексты о синице²². В русском фольклоре известно несколько пословиц и поговорок с упоминанием синицы, причем в некоторых из них она связана с морем: «Наделала синица славы, а море не зажгла», «Хвалилась синица море зажечь», «За морем и синица птица» и др.²³. Непосредственно с текстом *Повести* перекликаются паремии: «Синица хотела море выпить – не выпила, только славу наделала»²⁴, «Не много из моря синичка упьет»²⁵. Комический эффект создается на контрасте небольших размеров этой птички («Не велика синичка, да та же птичка») и тех грандиозных деяний, которые она пытается совершить (выпить или зажечь море) или даже совершает («Синица невелика птица, да все поле спалила»). По мнению Сергея Александровича Фомичева, связь с морем в фольклорных текстах синица получила благодаря созвучию ее имени с постоянным эпитетом «синее море»²⁶.

Как «морская» птица, знающая все «вести морские», синица предстает и в известной скоморошине «Протекало теплое море» – одной из поэтических фольклорных версий древнерусского *Сказания о птицах* (XVI-XVII вв.)²⁷. Слетевшимся «стадами» птицам синичка рассказывает о «социальном устройстве» птичьего морского царства («Орел на море – воевода, Перепел на море – подьячий» и т. д.), в котором сама синичка занимает положение бедняка-неудачника: «Бедная малая птичка, Малая птичка-синичка, Сена косить не умеет, Стадо ей водить не по силе, Гладом я, птичка, помираю»²⁸ (ср. в *Повести*: «Бѣдней тѣбе худей птицѣ, еже и питие твое из моря...»).

²² Связь сочинений XVIII-XX вв. о синице с фольклорными текстами рассмотрена в: С.А. Фомичев, *Метаморфозы пословицы о синице*, [в:] *Русский фольклор: Материалы и исследования*, т. 35, Санкт-Петербург 2016, с. 272-283. Текст *Повести* в поле зрения автора статьи не попал.

²³ В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 4, Москва 1955, с. 187; В.П. Жуков, *Словарь русских пословиц и поговорок*, Москва 1991, с. 481.

²⁴ *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков*, Москва – Ленинград 1961, с. 110.

²⁵ В. Даль, *Толковый словарь...*, т. 4, с. 187.

²⁶ С.А. Фомичев, *Метаморфозы пословицы о синице...*, с. 275.

²⁷ См.: А.А. Михалина, *Сказание о птицах*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 2, ч. 2, Ленинград 1989, с. 387-389.

²⁸ *Народно-поэтическая сатира*, Ленинград 1960, с. 63. Ср. в другом варианте стихотворного *Сказания о птицах* из рукописного сборника XVIII в.: «Синица на море вдовица, Победная сирота и бобылица, Казаков нанимать не может, Сама работать не умеет, Животы у ней даром пропадают, Она-то худой человек, неразумной» (В.Г. Смолицкий, Т.А. Тургенева, *Четыре произведения народной сатиры*, Труды Отдела древнерусской литературы, т. 17, Москва – Ленинград 1961, с. 505).

Образы птиц используются в *Повести* и в разработке другой темы – монашеских пострижений. В.И. Малышев полагал, что она занимает в *Повести* второстепенное место и что не в ней «заключается главная мораль рассказа»²⁹. Однако включение *Повести о хвастливом книжнике* в сборник *Старчество* свидетельствует о том, что этой теме также придавалось большое значение.

В РСтар. хвастливый книжник видит три стаи воронов: одна летит высоко, от пламени птиц «планиты небесныя погараше»; другая летит низко, и пламень от них невелик; третья стая – близко к земле, «аки по горамаь трущеся», от них исходит не пламя, а дым. После этого перед книжником предстает еще одна картина: «видѣ человекѣ, по морю бѣжаща, а за нимѣ гнаше звѣрь лютый по морю, и хотя похитити человекѣ, и не похити его, и тако изо очию изшед. Звѣрь не похити, а человекѣ не убеже»³⁰. Мудрый пустынный разьясняет книжнику смысл этих видений: в образе воронов и бегущего по морю человека визионеру была показана зависимость посмертной участи монахов от времени и обстоятельств их пострижения. Высоко летящие вороны – это постригшиеся в молодом возрасте и не вкушившие сладостей земной жизни, их место у престола Вседержителя³¹. Чем ниже летят вороны, тем дольше эти иноки жили в миру и тем больше насладились земными благами, но и они спасены, и их место в раю. Иерархия мест спасения разработана в списках РСтар. довольно сбивчиво, но выделяются горний Иерусалим у престола Вседержителя как высшая ступень, далее Эдем (в некоторых списках престол Вседержителя и горний Иерусалим разделены как разные уровни). Человек, бегущий от «лютого зверя»³² – аллегория монаха, принявшего пострижение перед смертью и обреченного теперь вечно спасаться от мучения в аду. В этом фрагменте нельзя не отметить сходство с рассказом Варлаама царевичу Иоасафу о людях, связанных житейскими делами и живущих в наслаждениях – они подобны «мужю, бѣгающе от лица бѣсующюмуся инорогу, яко не терпящу гласа въпя его и рютиа его страшнаго, нѣ крѣпко

²⁹ В.И. Малышев, *Неизвестная повесть XVIII в. ...*, с. 98.

³⁰ РГБ, ф. 304.1, № 798, л. 73-73 об.

³¹ Образ ворона как символическое изображение монаха встречается и в других памятниках древнерусской словесности, в том числе в упомянутой выше скоморошине о птицах (ср.: «Ворон на море – игумен») (*Народно-поэтическая сатира*, с. 62)). В *Житии Диодора Юрьегорского* (XVII в.) множество воронов садятся возле креста на горе, на месте будущей церкви: «А колико видиши на семь мѣсте птицъ, и толико соберется иноков; и на семь мѣсте прославится имя Божие» (А.В. Алексеев, Ю.Н. Кожевникова, О.В. Панченко и др., *Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь*, Санкт-Петербург 2017, с. 312).

³² Выражение «лютый зверь» в памятниках древнерусской письменности чаще всего обозначает льва (см.: О.П. Лихачева, *Лев – лютый зверь*, Труды Отдела древнерусской литературы, т. 48, Санкт-Петербург 1993, с. 129-137). С приведенным фрагментом из *Повести* соотносится известная новозаветная цитата «Лев рыкающий, иский кого поглотити» (1 Петр. 5: 8), где лев является метафорой дьявола.

отбѣгъ, да не будетъ ему ядь»³³. В РЛет. смысл видений тот же, но стаи воронов в двух случаях заменены «светом великим до небеси» и «огненным столпом», а постригающийся перед смертью представлен в образе ворона, пытающегося улететь от зверя: «И едва с нужею прелетѣ море на сию страну, а звѣрь остася на море. То есть, чадо, который человекъ пострижется на старость, пред смертию своею, а не поработаеть Богу нисколко, то гонится за нимъ мука вѣчная и застати его не можетъ. И той человекъ от муки избудеть, а дарования и почести ему не будетъ, яко же великимъ святымъ...»³⁴.

Представленное в *Повести* разделение монахов на своеобразные чины в зависимости от времени пострижения византийской аскетической и святоотеческой литературе не известно³⁵. Вероятно, вся эта причудливая цепочка аллегорических образов стала итогом размышлений русского книжника о предсмертных пострижениях. Образ постригающегося «на старость, пред смертию своею» является в этом ряду ключевым. В *Повести* утверждается мысль, что особую благодать перед Богом обретают те, кто уходит в монахи в юном возрасте, и что пострижение перед смертью освобождает человека от вечной муки, но не гарантирует спасения души. Между раем и адом – так можно было бы определить посмертный статус таких душ.

Как известно, традиция предсмертных пострижений мирян была широко распространена в древнерусском обществе, особенно в княжеской среде³⁶. «Ангельский образ» массово принимали во время эпидемий, когда спасти тело было уже невозможно и нужно было позаботиться о спасении души («в болезни той полежаваши и с покаанием и с маслом, мнози же и аггельска образа сподобишися, от житиа отхожаху») ³⁷. Монашеский статус покойного облегчал прохождение его душой воздушных мытарств и давал надежду на спасение. Однако древнерусские тексты свидетельствуют о неоднозначном отношении к этому обычаю. Так, в 1167 г. духовник тяжело заболевшего великого князя Ростислава Мстиславовича поп Семион запретил ему принять постриг в Киево-Печерском монастыре, хотя игумен этой обители Поликарп не возражал против него³⁸. Сомнения в целесообразности предсмертного пострижения зафиксированы и в *Повести о болезни и смерти Василия III* (после 1533 г.). Желание великого московского князя Василия III постричься пред смертью одобрил митрополит Даниил, но оно

³³ *Повесть о Варлааме и Иоасафе*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси*, вып. 2: XII век, Москва 1980, с. 202.

³⁴ ИРЛИ, колл. Плотникова, № 7, л. 164-164 об.

³⁵ Благодарю Вадима Мироновича Лурье за консультацию по этому вопросу.

³⁶ В свою очередь в монастырях монахи перед смертью принимали пострижение в великую схиму (см.: Б.А. Успенский, Ф.Б. Успенский. *Иноческие имена на Руси*, Москва – Санкт-Петербург 2017, с. 203-209).

³⁷ А.С. Малахова, С.Н. Малахов, *Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – начало XVII века)*, Армавир 2014, с. 102 (об эпидемии чумы 1417 г.). Здесь же другие примеры из летописей о пострижении во время эпидемий.

³⁸ См.: Б.А. Успенский, Ф.Б. Успенский, *Иноческие имена на Руси...*, с. 214.

встретило возражение среди его ближайшего княжеского и боярского окружения: «Князь велики Владимир Киевский умре не в черньцех, не сподоби ли ся праведного покоя? И иные великие князи не в черньцех преставилися, не с праведными ли обрели покой?»³⁹. С точки зрения оппонентов, решение Василия III принять перед смертью монашество свидетельствует о его неуверенности в том, что его высокого земного статуса и, вероятно, личного благочестия (хотя об этом прямо не говорится) будет достаточно для спасения души⁴⁰. Поскольку *Повесть* (РСтар.) в ее раннем списке оказалась включена в троицкий вариант *Старчества*, вероятно, определенный скепсис по отношению к предсмертным пострижениям разделяли в XVII в. и в Троице-Сергиевом монастыре⁴¹.

Иное решение этой темы предлагается в более позднем варианте текста РСтар., представленном двумя списками: ИРЛИ, колл. Тумилевича, № 1, л. 124-126 об., конец XVII–начало XVIII в.; ИРЛИ, собр. отдельных поступлений 24, № 130, л. 276-282, 1870-е – 1880-е гг. В рассказ о видении третьей стаи воронов создатель этого варианта внес следующие изменения:

РГБ, ф. 304.I, № 798	ИРЛИ, колл. Тумилевича, № 1
Третье же суть врановѣ, яже летят ниско, яже и по горамъ трутся, суть иже жиша въ мирѣ с женами и з детьми и имѣша села и виноградъ, и рабы и рабыня, и оставиша вся и постригошася, то тѣ суть лѣтят в рай же, въ Едемь .	Третье же суть вранове, иже летять ниско, иже яко по горамъ трутся, тии суть иже жиша в мирѣ з женами и з дѣтьми и имѣша села и винограды, и рабы и рабыни, и постригошася при смерти , то тии летят во Едем, в рай и в райския удолия и красоты .

Постригшиеся перед смертью получают согласно этому варианту полное и безоговорочное спасение; дополнения к чтениям «рай» и «Едем» («в райския удолия и красоты») призваны как будто окончательно укрепить читателя в этой оптимистической мысли, рассеять возможные сомнения. Наличие в разных списках *Повести о хвастливом книжнике* двух интерпретаций одного мотива, с вероятным полемическим подтекстом произведенного редактирования, свидетельствует об отсутствии единства в понимании этого сотериологического вопроса.

³⁹ *Повесть о болезни и смерти Василия III*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 10: *XVI век*, Санкт-Петербург 2000, с. 42.

⁴⁰ О традиции пострижений перед смертью на Руси см. также: А.В. Карташев, *Очерки по истории русской Церкви*, т. 1, Москва 1991, с. 232; А.М. Панченко, *Церковная реформа и культура Петровской эпохи*, [в:] *XVIII век*. Сборник 17, Санкт-Петербург, 1991, с. 6-8; С.В. Сазонов, *К проблеме восприятия смерти в средневековой Руси*, [в:] *Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции*. Москва, 4-6 октября 1994 г., Москва 1994, с. 47-52.

⁴¹ Разумеется, это не означает, что такие пострижения в монастыре не осуществлялись. Так, во время осады Троице-Сергиева монастыря в Смутное время троицкий архимандрит повелел раненых постричь, после чего они «преставишася ко Господу» (см.: Б.А. Успенский, Ф.Б. Успенский. *Иноческие имена на Руси...*, с. 221).

Поскольку следующее видение – человека, убегающего от зверя – оказалось в этом варианте лишено своего прежнего толкования, примененного к другому образу, редактор и здесь вынужден был внести изменения:

РГБ, ф. 304.I, № 798	ИРЛИ, колл. Тумилевича, № 1
<p>Что же еси повѣдалъ чловѣка, по морю бежаща, а за нимъ звѣрь гонящъ, чловѣкъ не убѣже, а звѣрь не угонитъ, то тѣ, чадо, еже имѣли суету свѣта сего, жену и чада и при смерти постригахуся в черныцы, то той по морю бежащъ и звѣрь гоняше. Звѣрь же именуется мука вѣчная, да той паки муки избежать.</p>	<p>А иже еси видѣлъ чловѣка по морю бѣжаща, а за нимъ звѣрь гнашеся, чловѣкъ не убѣжит, а звѣрь его не угонит, той есть чловѣкъ былъ блудник, а милостыню творил безпрестанно, а звѣрь – мука вѣчная. Милостыни ради не сугонит его, избавлен бысть от нея милостыни ради, а блуда ради лишен рая прекраснаго.</p>

В списке из коллекции Федора Викторовича Тумилевича перед читателем предстает классический «обоюдный» (т. е. сочетающий черты праведника и грешника, а потому находящийся между раем и адом) персонаж древнерусских эсхатологических легенд – милостивый блудник. Такой тип «нерешенных» душ изображен в *Житии Василия Нового*, легендах из *Пролога* и патериков, в древнерусских видениях потустороннего мира⁴². Так, в *Слове о нѣкоемъ блудницѣ, иже милостыню творя, а блуда не остана* (12 августа) некоему затворнику Бог открыл посмертную участь богатого человека, «миловавшего нищих», но творившего «грех прелюбодейственный»: он привязан между раем и адом⁴³, «и злѣ стояше и часто къ раеву взираше и горко рыдаше. И видѣхъ свѣтоносна аггела, приступлша къ нему и глаголюща: “Что вѣсуете, чловѣче, стонещи? Се бо милостыни твоя ради избавленъ еси муки, а понеже не остана еси любодѣянна сквернаго, за то лишенъ еси рая блаженнаго”»⁴⁴. Если в проложном *Слове* милостивый блудник обречен вечно стоять на одном месте, то в *Повести* он наказан непрерывным и таким же вечным движением – бегством от «лютого зверя».

Итак, *Повесть о хвастливом книжнике* является сочинением русской монастырской письменности, вероятно, рубежа XVI-XVII вв. В ней обсуждаются и, как мы видели, по-разному решаются темы книжного знания и монашеских пострижений. В *Повести* утверждается мысль о том, что книжная мудрость открывается человеку только в ограниченных и очень малых пределах. Поэтому, как

⁴² См.: А.Н. Веселовский, *Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии*, [в:] А.Н. Веселовский, *Разыскания в области русского духовного стиха*, вып. 5, Санкт-Петербург 1889, с. 117-172; А.В. Пигин, *Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности*, Санкт-Петербург 2006, с. 194-198.

⁴³ В книжных миниатюрах, иллюстрирующих этот сюжет, и в иконографии Страшного суда милостивый блудник изображается привязанным к столбу между раем и адом (см. иллюстрации в: Д. Антонов, М. Майзульс, *Анатомия ада. Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии*, Москва 2013, с. 219-221).

⁴⁴ *Пролог* на июль-август, Москва 1662, л. 387-388.

писал Исаак Сирий, необходимо заниматься чтением «не тем, которое способствует приобретению образованности, но тем, которое умерщвляет страсти твои и показывает тебе короткий и прямой путь к Богу»⁴⁵. Путь к Богу, согласно *Повести*, лежит через монашеское пострижение, к которому люди приходят в разные периоды своей жизни. В XVIII в. в старообрядческой среде была создана новая редакция, в которой текст оказался переработан в сатирическом ключе. Несмотря на отсутствие в поздней редакции прямых аллюзий к реалиям церковного раскола, противопоставление двух типов книжников – истинного и мнимого мудрецов – вполне могло осмысляться как антитеза старого (древле-православного) и нового (новообрядческого). В литературном отношении *Повесть* интересна объединением в ней традиций книжных жанров (прежде всего патерикового повествования и притчи) и фольклора (паремии о синице). Синтез фольклорных и книжных элементов и определил в XVII-XVIII вв. один из основных путей развития русской рукописной повести.

* * *

Повесть публикуется по наиболее раннему списку редакции *Старчества* – РГБ, ф. 304.I (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 798, л. 71-76 об., начало XVII в.

// (л. 71) **Повѣсти от житиа святыхъ старецъ и святыхъ отецъ**⁴⁶. **Аще ли наидетъ помысль превъзнощения мудрости и книгамъ гораздъству, помяни нѣкоего пустыньника**

Нѣкий пустыньникъ живяше в пустыни, млад сый и благочестивъ, мудръ же // (л. 71 об.) бѣ и книгамъ гораздъ. И приидѣ ему на сердцѣ помысль, да съ кѣмъ бы книгами глаголат. Он же не чаявъ себѣ подобен своему гораздъству, да кто бы с нимъ глаголатъ. Нѣкий же старецъ въспѣсникъ⁴⁷ живяше въ нутреней пустыни, старъ сый, преподобень и благочестивъ, книгамъ же мудръ вельми и гораздъ. Слышавъ же о немъ младый пустинникъ мудрый, начат к нему приходити в нутренюю пустыню, хотя с нимъ бесѣдовати и книгами глаголати и хотяй от него слышати велию мудрость и гораздъство и свою му// (л. 72) дрость открыти.

И приидѣ к нему в нутренюю пустыню, и хотя с нимъ бесѣдовати младый пустынный о книгахъ, и начатъ его выпрашати. Преподобный же старый пустынный не хотя с нимъ бесѣдовати и глагола ему: «Прииди, чадо, въ другой день ко мнѣ, и азъ бесѣдую с тобою». И приидѣ к нему младый пустынный въ другой день, хотя от него слышати нѣчто. Старый же преподобный пустынный отлагаше ему день от дне. Младый же пустынный многажды прихождааше

⁴⁵ Исаак Сирий, *О Божественных тайнах и о духовной жизни: Новооткрытые тексты*, перевод с сирийского, примечания и послесловие иеромонаха Илариона (Алфеева), Москва 1998, с. 28.

⁴⁶ Предложение написано на нижнем поле.

⁴⁷ В других списках – «пустынный».

к нему, // (л. 72 об.) глагола ему: «Почто, отче преподобный, ничтоже не глаголеши ко мнѣ?» Преподобный же старецъ глагола ему: «Иди, чадо, к морю и стань на брезѣ у моря и зри по морю. И аще что узриши на мори, и, пришед, повѣдай ми».

Младый же пустынный иде къ морю, и ста на брезѣ у моря, и зря по морю, и аще что узрит на морѣ. И се прииде с небесе шумъ. Он же възрѣ на небо и видѣ мног множество вранов, лѣтящих под небесы, от них же пламяни исхожаше, акы и планиты небесныя погараше от пламяни того. И видѣ ихъ от очию его отлетевша. Он же // (л. 73) мало постоявъ и видѣ другой ликъ вранов, летяще многое множество от небесъ, и летяще ниско, яко же и вполы того, и пламень исхожаше от них⁴⁸ невеликъ, акы вполы того. Он же еще мало постоя, и зря и на море, и вѣдѣ третие врановѣ лѣтящу, уже бо низко лѣтяще зело, акы по горамъ трущеса, и пламяни нѣсть от нихъ, яко же дым исхождаше, синяся от нихъ. Еще бо стояще у моря и видѣ человекъ, по морю бѣжаща, а за нимъ гнаше звѣрь лютый по морю, и хотя похитити человекъ, и не похити его, и тако // (л. 73 об.) изо очию изшед. Звѣрь не похити, а человекъ не убеже. Еще бо ему стоящу у моря надолзѣ, и не видѣ ничтоже, но токмо прилетѣ птичка мала и худа, ей же имя синька, и испи из моря воды. Он же смысливъ в сердца своемъ и глагола: «Бѣдней тѣбе худей птицѣ, еже и питие твое из моря; тебѣ ради в мори воды ни прибыло, ни убыло». И подивися ей, и стоя надолзе, уже бо ничтоже не видѣ, и отиде.

И прииде же къ преподобному старцу въ внутреннюю пустыню, и благословися у него. И глагола ему старый пустынный: // (л. 74) «Что убо видѣлъ еси, чадо, повѣждь ми». И глагола ему: «Приидох, господине святы отче, твоимъ благословениемъ к морю и ставъ у моря. И внезапно прииде шумъ великъ от небесѣ, и видѣхъ ликъ великъ вранов летящъ, и огонь от нихъ исходящъ великъ, якоже и планитамъ погорати небеснымъ, и отлѣтѣша ото очию моею. И паки стоях, отче, надолзѣ у моря, и зря по морю. И внезапно шумъ от небесѣ великъ бысть. И възрѣвъ на небо, и видѣ же вранов стадо, летящъ ниско, якоже и вполы того пламень исходяше. И еще же ми стоящу // (л. 74 об.) и зрящу на море, и видѣхъ третие стадо вранов, летяще ниско уже зело, якоже и по горамъ трущеса, уже бо пламени нѣсть от нихъ, якоже бо дым от нихъ исходитъ. Еще бо ми стоящу и зрящу на море, и видѣхъ человекъ, бѣжаща по морю, и за нимъ гнашѣ звѣрь по морю, и хотя человекъ похитити, и не похити его, и тако избегоша. Человекъ не убеже, а звѣрь не похити. Еще бо ми стоящу и зрящу на морѣ, и не видѣ ничтоже, но токмо прилѣтѣ птичка мала, худа, ей же имя синька, испи изъ моря мало воды. Азь же в себѣ // (л. 75) помыслих и глаголавъ: “И по тебѣ, худѣй птицѣ, тебе ради в морѣ воды ни прибыло, ни убыло”, таже изглагола».

Преподобный же старецъ глагола къ младому: «Что еси видѣлъ, чадо, ликъ первый вранов, летящих яже под небесемъ, и огонь исходящъ, тѣ суть, чадо, яже постригахуся младыи дѣти, иже бяху в пустыни, оставивше суету мира сего,

⁴⁸ Слово написано на поле вместо зачеркнутого слова «него».

и сласти, и красоты, то тѣ суть лѣтают в вышний Иерусалимъ к престолу Вседръжителя Бога, и херувими уступают им⁴⁹ пламенное оружие, идѣже Пресвятая Богородица, Иоанъ Предтеча и пророки, апостоли и мученицы. // (л. 75 об.) Друзии же суть, чадо, вранове, яже летают пониже, и пламень исходящъ невеликъ, вплоы того, то тѣ суть, чадо, яже познаша красоты мира сего и вся красная яже суть в мирѣ, то тѣ суть не сподобишася тоя свѣтлости, и пламенное оружие възбраняет имъ, но в рай суть, иже въ Едемѣ⁵⁰. Третие же суть врановѣ, яже летят ниско, яже и по горамъ трутся, суть иже жиша в мирѣ с женами и з детьми и имѣша села и виноградъ, и рабы и рабыня, и оставиша вся и постригошася, то тѣ суть лѣтят в рай же, въ Едемѣ. Что же еси повѣ// (л. 76) даль человекъ, по морю бежаща, а за нимъ звѣрь гонящъ, человекъ не убеже, а звѣрь не угонит, то тѣ, чадо, еже имѣли суету свѣта сего, жену и чада и при смерти постригахуся в черныцы, то той по морю бежащѣ и звѣрь гоняше. Звѣрь же именуется мука вѣчная, да той паки муки избежитъ. Что же, чадо, птица воды из моря испи, то ни прибыло, ни убыло, тѣ, чадо, наши книги, яже глаголемъ, то суть не прибыло, ни убыло. Книги суть, чадо, якоже небесная высота и морская глубина. Да аще, чадо, изъглаголемъ мудрыя книги и про// (л. 76 об.) стья вещи недоумѣемъ, посрамлени будемъ, то не превозносися о семъ, чадо».

И отиде старецъ младый пустынный в свою пустыню, благодаря Бога. И, наказавъ, старецъ отпусти его с миромъ.

Список сокращений:

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)

References

- Alekseyev A.V., Kozhevnikova Yu.N., Panchenko O.V. i drugiye, *Svyatoy prepodobnyy Diodor Yur'yegorskiy i sozdannyi im monastyr'*, Sankt-Peterburg 2017.
- Antonov D., Mayzul's M., *Anatomiya ada. Putevoditel' po drevnerusskoy vizual'noy demonologii*, Moskva 2013.
- [Arseniy, iyeromonakh], *Opisaniye slavyanskikh rukopisey biblioteki Svyato-Troitskoy Sergiyevoy lavry*, ch. 3, Moskva 1879.
- Cierniak U., *Literacki wymiar kultury religijnej staroobrzędowców*, Częstochowa 1997.
- Dal' V., *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka*, t. 4, Moskva 1955.
- Demkova N.S., *Sochineniya protopopa Avvakuma i publitsisticheskaya literatura rannego staroobryadchestva: materialy i issledovaniya*, Sankt-Peterburg 1998.
- Dukhovnyye stikhi Russkogo Severa*, sostavitel' V.P. Kuznetsova, Petrozavodsk 2015.

⁴⁹ Испр., в ркп. «и».

⁵⁰ В данном месте, вероятно, порча текста. Смысл фрагмента: огненное оружие възбраняет им лететь к Божьему престолу, но они летят в рай, в Едем.

- Fomichev S.A., *Metamorfozy poslovitsy o sinitse*, [v:] *Russkiy fol'klor: Materialy i issledovaniya*, t. 35, Sankt-Peterburg 2016.
- Gritsevskaya I.M., *Chteniye i chet'i sborniki v russkikh monastyryakh XV-XVII vv.*, Sankt-Peterburg 2012.
- Isaak Sirin, *O Bozhestvennykh taynakh i o dukhovnoy zhizni: Novootkrytyye teksty*, perevod s siriyskogo, primechaniya i poslesloviye iyeromonakha Ilariona (Alfeyeva), Moskva 1998.
- Izbornik 1076 goda*, izdaniye podgotovili V.S. Golyschenko, V.F. Dubrovina, V.G. Dem'yanov, G.F. Nefedov, Moskva 1965.
- Kalugin V.V., „*Knigy*”: *otnosheniye drevnerusskikh pisateley k knige* [v:] *Drevnerusskaya literatura: izobrazheniye obshchestva*, Moskva 1991.
- Kartashev A.V., *Ocherki po istorii russkoy Tserkvi*, t. 1. Moskva 1991.
- Kowalska-Stus H., *Ruś XVII wieku. Spotkanie dwóch koncepcji języka i sposobów myślenia*, [w:] *Białostocki Przegląd Kresowy*. T. 4. *Słowiańszczyzna w badaniach filologicznych*, red. J. Nosowicz, Białystok 1996.
- Likhacheva O.P., *Lev – lyuty y zver'*, „Trudy Otdela drevnerusskoy literatury”, t. 48, Sankt-Peterburg 1993.
- Malakhova A.S., Malakhov S.N., *Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoy zhizni cheloveka Drevney Rusi (XI – nachalo XVII veka)*, Armavir 2014.
- Malyshev V.I., *Neizvestnaya povest' XVIII v. o khvastlivom knizhnikе*, „Russkaya literatura” 1964, № 1.
- Małek E., *Ukazatel' syuzhetov russkoy narrativnoy literatury XVII-XVIII vv.*, t. 1, Łódź 2000.
- Mikhailina A.A., *Skazaniye o ptitsakh*, [v:] *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*, vyp. 2, ch. 2, Leningrad 1989.
- Narodno-poeticheskaya satira*, Leningrad 1960.
- Panchenko A.M., *Tserkovnaya reforma i kul'tura Petrovskoy epokhi*, [v:] *XVIII vek*. Sbornik 17, Sankt-Peterburg 1991.
- Pigin A.V., *Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoy knizhnosti*, Sankt-Peterburg 2006.
- Pigin A.V., Babalyk M. G., „*Az ti glagolyu dobreysheye, yunoshe...*”: *o nekotorykh uchebnykh tekstakh v russkikh rukopisyakh XVIII-XIX vv.*, [v:] „*Mudrosti bo ti imya podadesya...*”: *sbornik statey k yubileyu professora Sof'i Mikhaylovny Loyter*, Petrozavodsk 2011.
- Pinezhskaya knizhno-rukopisnaya traditsiya XVI – nachala XX vv.: Opyt issledovaniya. Istochniki*, t. 1: N.V. Savel'yeva. *Ocherk istorii formirovaniya pinezhskoy knizhno-rukopisnoy traditsii. Opisaniiye rukopisnykh istochnikov*, Sankt-Peterburg 2003.
- Ponyrko N.V., *Ioann Ivanov Milyutin*, [v:] *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*, vyp. 3, ch. 2, Sankt-Peterburg 1993.
- Poslovitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVIII-XX vekov*, Moskva – Leningrad 1961.
- Povest' o bolezni i smerti Vasiliya III*, [v:] *Biblioteka literatury Drevney Rusi*, t. 10: *XVI vek*, Sankt-Peterburg 2000.
- Povest' o Varlaame i Ioasafe*, [v:] *Pamyatniki literatury Drevney Rusi*, vyp. 2: *XII vek*, Moskva 1980.
- Prolog na iyul'-avgust*, Moskva 1662.
- Rovinskiy D., *Russkiye narodnyye kartinki*, kn. 1: *Skazki i zabavnyye listy*, Sankt-Peterburg 1881.

- Ryzhova E.A., *Skazaniye o Ioanne i Loggine Yarengskikh v spiske Drevlekhranilishcha im. V.I. Malysheva*, „Trudy Otdela drevnerusskoy literatury”, t. 65, Sankt-Peterburg 2017.
- Sazonov S.V., *K probleme vospriyatiya smerti v srednevekovoy Rusi*, [v:] *Russkaya istoriya: problemy mentaliteta. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii. Moskva, 4-6 oktyabrya 1994 g.*, Moskva 1994.
- Semyachko S.A., *Pis'mennaya traditsiya drevnerusskogo starchestva: Teknologicheskoye, istochnikovedcheskoye i istoriko-literaturnoye issledovaniye*. Dissertatsiya na soiskaniye stepeni doktora filologicheskikh nauk, Sankt-Peterburg 2016.
- Semyachko S.A., *Starcheskaya traditsiya Troitse-Sergiyeva monastyrya*, [v:] *Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy: Istoriya i agiografiya, ikonopisnyy obraz i monastyrskiy traditsii: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva. Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. 27-28 maya 2014 g.*, Moskva 2014.
- Smolitskiy V.G., Turgeneva T.A., *Chetyre proizvedeniya narodnoy satiry*, „Trudy Otdela drevnerusskoy literatury”, t. 17, Moskva – Leningrad 1961.
- Uspenskiy B.A., *Izbrannyye trudy*, t. 2, Moskva 1994.
- Uspenskiy B.A., Uspenskiy F. B., *Inocheskiye imena na Rusi*, Moskva – Sankt-Peterburg 2017.
- Veselovskiy A.N., *Bezrazlichnyye i oboyudnyye v Zhitii Vasiliya Novogo i narodnoy eskhatologii*, [v:] A.N. Veselovskiy, *Razyskaniya v oblasti russkogo dukhovnoy stikha*, vyp. 5, Sankt-Peterburg 1889.
- Zhitiye Dimitriya Prilutskogo: zhitiye i sluzhba*, izdaniye podgotovili S.A. Semyachko i F.V. Panchenko, Vologda 2018.
- Zhukov V.P., *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok*, Moskva 1991.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Александр Пигин – доктор филологических наук, профессор. Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Отдел древнерусской литературы, ведущий научный сотрудник. **Избранные публикации: книги:** *Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии. Исследование и тексты*, Санкт-Петербург 1998; *Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке*, Санкт-Петербург 2003; *Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности*, Санкт-Петербург 2006. **Статьи:** *Сцены рыбной ловли в древнерусской агиографии*, [w:] *Praca i odroczynek w literaturach słowiańskich*, Łódź 2003, s. 41-52; *Древнерусская Повесть о бражнике в интерпретации старообрядческих полемистов*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach słowiańskich”, Łódź 2015, s. 261-269.

ORCID: 0000-0002-9306-1421

E-mail: av-pigin@yandex.ru